

ЮБИЛЕЙ

Маленький человек в большой квартире. Совсем недавно Шайнский со своей семьей — жена Светлана (39 лет), сын Слава (18) и дочка Аня (14) — перебрались в новые просторные апартаменты. 5 комнат, высоченные потолки и ультрасовременный ремонт. На фоне такого масштабного великолепия 80-летний маэстро смотрится как музейный экспонат. Мы сидим на диване. Юбилей — едва ли не свесив ножи.

— Уютно вам в этих хоромах, Владимир Яковлевич?

— Без жены — не очень. Вот на старой квартире — там, наоборот, без жены было уютнее. Все свое, все знакомое. Знал, где что включается, как выключается. А иной раз подумаешь: эх, сейчас пригласить бы какую-нибудь... Не какую-нибудь, а хорошую девочку. И... свести ее с истинного пути, убедить в неизбежности грехопадения. А в этой квартире нельзя — все носит отпечаток моей любимой жены. Весь свет от Светы. Не зря же одноклассники называли ее Цветком.

— А вы этот цветочек сорвали и в свой венок?

— Ну да, мне было 58, ей — 17. Я тогда чуть не женился на красотке 2-метровой, с ногами. Хорошо еще, вовремя понял, что это не для меня. А для женитьбы — вот она, только Светочка. Знаешь, она машинисткой в Союзе композиторов была, ее туда тетя-партгор пристроила. В этой организации в основном старые перечницы работали, и вдруг приходит она: красивая, высокая, стройная. Познакомились, говорю ей как-то: "Приходи ко мне". Ну и... Просто у меня солдатский взгляд на вещи. Солдат, когда знакомится с девушкой, в первый же вечер может спросить: "Слушай, а ты целка?"

— Владимир Яковлевич, я так понимаю, вы мне сейчас романтическую историю знакомства с супругой рассказываете?

— Нет, ну, если говорить честно, это нельзя печатать. Одно могу сказать: я считаю, если перед тобой девочка, а ты — свободный человек и в случае чего можешь жениться, — надо действовать.

— Судя по тому что женились вы дважды, ровно столько и было "в случае чего"?

— Да, и первая жена забеременела... Помню, пришел к ней: сидит плачет. Да не беспокоюсь, говорю, женись. Ну и Светочка моя... Она пришла в гости. Пить не захотела, но осталась у меня ночевать. А потом от тетки решила уйти. Причем как — сказала: "Буду у Шайнского секретарем работать". Та ей: "Ты что, не понимаешь: если останешься у него жить, должна будешь стать ему всем". Она и начала быть всем. Потом забеременела, и...

— То есть вы человек строгих правил: забеременела — в загс?

— Строгих. Старался, чтобы не беременели.

— Ну а таких, наверное, набралось...

— Употреблял воинскими частями. Тысячи не было, пожалуй, но что-то около того.

— А вот Хулио Иглесиас хвастается, что обладал аж тремя тысячами женщин.

— У него морда глупая. Возможно, что и врет. Подмахнет одна, а ему кажется, что сразу трех. Вот у меня трех не было, врать не стану. Но чтобы с двумя — такое случалось не раз.

— Владимир Яковлевич, неужели дамы легкого поведения?

— Нет, с проститутками дела никогда не имел. Но, конечно, легенького. Вот помню, две девочки были. С одной я жил, ей было 16 — Инка. Ну, период любви у нас уже прошел, хотели просто ощущений. Спрашивает как-то: "Ну что ты хочешь?" — "Приведи, — говорю, — мне девочку, но чтобы она меня загла". Значит, вдвоем они пришли. Угостил их обычным крепленным вином, типа портвейна. А я еще совсем молодой был...

— Сколько?

ревняя старушка стоит на улице и кричит: "Изнафывовали! Изнафывовали!" Подбегает милиционер и спрашивает: "Кого?" — "Да меня". — "Когда?" — "Форок лет назад". — "Что же ты сейчас кричишь?" — "Вспомнить приятно..."

Из уст Шайнского этот анекдот звучит практически как автобиография. Сам он — история советской песни. Вот только истории накануне 80-летия знаменитому композитору вспоминаются совсем не музыкальные. Хотя как знать. Каждая встреча с женщиной для маленького гиганта большого секса своего рода песня. И в этом виде спорта на тренерскую работу Владимир Яковлевич переходить пока явно не собирается.

Первую песню Владимира Шайнского — "Как бы влюбиться" — в 1966 году исполнила совсем юная Алла Пугачева. Кто кого открыл: Шайнский Пугачеву или Пугачева Шайнского — теперь сказать сложно. Во всяком случае, именно с этого шлягера началась блестящая музыкальная карьера обоих. За последующие сорок лет композитором были написаны более трехсот песен. Самые известные из них: "Дрозды", "Когда цвели сады", "Лада", "Не плачь, девочка", "Идет солдат по городу", "Песня крокодила Гены", "Улыбка", "Через две зимы", "Кузнечик", "Антошка", "Пропала собака", "На дальней станции сойду", "Родительский дом".

Владимир Шайнский:
"Пугачева мне не нравилась. Худая больно"

— Ну лет сорок. Вот... Моя сразу разделась. А та, вторая, заупрямилась: "Не буду". "Ну что ты портишь компанию?" — Инка занервничала. Успокаиваю ее: "Чего ты торопишь? Не хочешь — не надо, а мы с тобой..." Проходит какое-то время, ее подружка не выдержала: "Я, — говорит, — тоже хочу". Все снимает с себя, и без лишних слов... Сколько было ахов-вздохов. Моя Инка после всего ей даже сказала: "Алка, ну ты как паровоз"... Или еще был интересный случай. Иду как-то по улице, смотрю сзади — шикарная баба. Перегнал ее — спереди ничего особенного, но симпатичная, молоденькая. Сразу идти ко мне она отказалась. А через некоторое время заявляется с подружкой. Я ее немножко так по-

лапал, пытался целовать — отворачивается. На следующий день звонит. "Вот какое дело. Та подруга, с которой я к тебе приходила, — родная сестра моего жениха. Она пообещала рассказать все ему. Ты должен подтвердить, что ничего между нами не было". "Пожалуйста, — говорю, — заходи, я ему сам позволю". Пока сидели, расспрашиваю: кто он, откуда. Выясняется, аспирант. "Ну и сколько он с тобой, когда вы?" — "Ну минуты две-три". — "Хочешь, я тебе продемонстрирую целый час?" "Это невозможно", — говорит. "А вот я тебе докажу". Начинаю ее раздевать — она молчит, теперь уж не сопротивляется. Все кончается через полминуты. "Вот видишь", — говорит. "Так это ж первый раз. Не торопись". Получила колоссальное удовольствие — что и требовалось доказать. Да ну что там говорить: молоденьких девочек у меня всегда было до черта. Липли как мухи на мед.

— Да, и паспорт ваш — тому наглядное подтверждение. Первая жена моложе на 25 лет, вторая — аж на 41...

— Двигаюсь вперед.

— То есть ровесницы вас никогда не интересовали?

— Почему, в 16 лет интересовали. Извините, кого может не интересовать 16-летняя девочка? Она нравится всем, независимо от возраста... Нет, ну 26—27 тоже ничего. И тридцатка...

— А сорок? Уже не тот колор?

— Не то.

— Что же девушки в вас находили?

Шайнский делает характерный жест, приставляя локоть к бедру.

— Только это?

— Еще искренность. Искренность желания. А что еще? Маленький, лысый, без жилья... В общем, на любителя.

— Исполнительницей первой вашей песни стала начинающая, никому не известная певица по имени Алла. Ей было 17. Владимир Яковлевич, ваш любимый возраст.

— Нет, Пугачева была не в моем вкусе. Ноги — да, красивые. Но худенькая такая, как доска. А мне надо, чтобы спортивная фигурка. Толстых я терпеть не мог, но и тощая тоже никуда не годится. К тому же она и вела себя соответствующим образом. Я чувствовал, что ничего не светит, поэтому и не лез к ней.

— А вообще девушки из разряда известных залетали в ваши сети?

— Нет, не было. С такими девками, которые уже знаменитости, никогда не умел работать. Слишком они о себе высокого мнения. Та же Пугачева. Когда ей было лет 25, мне заказали написать музыку к телефильму. Спрашивают: "А кого бы вы порекомендовали из исполнительниц?" Говорю: "Пугачеву Аллу". Позвали ее, а она — мне рассказывает — с ходу заявила: "Зачем вы взяли Шайнского? Я хочу предложить вам другого композитора". Оказалось, ее любовник. Большой мастер был, женский угодник — первоклассный. Мне она ничего не сказала. А спустя какое-то вре-

мя, при встрече, начала каяться: "Простите меня, я поступила подло".

— Ну что вы, Владимир Яковлевич: кто старое помянет, тому, как говорится... Неужели до сих пор обиду держите?

— Так она меня и сейчас на дух не переносит. Как-то номер ее набрал — даже разговаривать не стала. Трубку взяла ее помощница, а я слышу: "Спросите его, что он хочет". Думаю: как же так, мы ведь все-таки были дружны. "Извините, — говорю, — я не стану беспокоить Аллу Борисовну". И все. Нет, человек она неплохой. Вот только я почему-то упал в ее глазах. Когда-то хотел написать для нее настоящий шедевр. И он был. Я так считал. Вели с ней переговоры, но так ничего и не состоялось. Мне не понравилось, как она сказала: "Сейчас композиторы дают только сетку, певец сам импровизирует". А мне нужно, чтобы произведение было мое. От начала и до конца.

— Ну хоть какая-то певица вам нравилась? Как женщина. Может, Валентина Толкунова?

— Да ты что!

— Эдита Пьеха, Анна Герман?

— С Анной Герман по-человечески очень хорошо дружил, но она же ростом два метра. Нет, по мне так уж лучше простые девчонки. Да, может, они клевали на мою известность. Но мне-то какая разница. Самое главное, чтоб фигурка была на уровне стандартов, да личико симпатичное. Помню, у одной, замужней уже, спросил как-то: "Что же ты изменяешь мужу?" Говорит: "Ну как же мне не дать любимому композитору?" Во как, понятно?

— Владимир Яковлевич, может, и сейчас, когда идете по улице, на девушек заглядываетесь?

— А я сейчас редко хожу по улицам. Но симпатичную не пропущу. Если очень симпатичная — сразу аппарат реагирует. Ну что поделать — так устроен.

— А Светлана, которой уже совсем не 17, не боится, что однажды вы поменяете одну 40-летнюю жену на две по 20?

— Ревнивая — страшно. Так что стараюсь не давать ей лишнего повода. Пока получается.

— Давайте все же о святом. О ваших детях, Владимир Яковлевич. Слава, знаю, учится в престижном колледже при Московской консерватории, Анечка пробует писать стихи...

— Слава — лентяй редкостный. Вместо того чтобы заниматься, сидит с компанией на бульваре. Аня — жутко трудная девочка. Не хочет учиться, ничего не могу с ней поделать, не слушается абсолютно. Избить бы ее хорошенько, да мать не разрешает. К тому же она настолько физически сильная — может так толкнуть, что под роялем окажусь. Свирепая, как пантера.

— А вы с ней что, дрались?

— Приходилось иногда. Борьба была с переменным успехом.

— Ничего не поделаешь — у девочки переходный возраст. У нее сейчас на уме что: музыка, мальчики?

— Да нет, какие там мальчики. Она гордая очень. А ведь в нее влюблялись даже знаменитые наши эстрадные звезды. Кто? Не буду говорить.

— Немудрено — девчонка-то симпатичная.

— У нее один серьезный недостаток — маленький рост. Она чуть-чуть выше меня — это никуда не годится. А еще хочет быть супер-мегазвездой.

— Так вы бы ей помогли.

— Не буду ей помогать. Не хочу. Если даже сейчас у меня нет для детей ни веского слова, ни воли, ни авторитета. Мой демократизм однажды разрушил все сразу.

— Получается, сами виноваты — избаловали?

— Получается так. Они меня не уважают. Пока были маленькими, елсе кое-как слушались. Сейчас подростки — совсем в дерьмо превратились.

— Тяжело вам с ними?

— Почему тяжело? Я стараюсь их не трогать. А что, ты думаешь, мне с женой легко? Но мне жалко детей бросать, дети нуждаются в моей поддержке. Жена нуждается в моей поддержке. Без меня никто не обойдется. А я сам тоже никому не нужен. Вот что получается.

— Так что же, замкнутый круг?

— Замкнутый круг... Нет, не подумай, вообще-то по натуре я оптимист. Сколько лет уже, а до сих пор бегаю, прыгаю, на коньках, на роликах катаюсь. Жизнь продолжается. Так что не торопись делать обо мне окончательный вывод: кто я, что я. Я сам еще себя не пойму.

Дмитрий МЕЛЬМАН.